

Блоха. Дыханье. Самовар

Идёшь по блошиному рынку, рассматриваешь вещи, вдруг понимаешь, «блоха» - это Фет. Рынок подержанных вещей устроен и живёт так, что его можно срифмовать с жизнью известного поэта. Во всём своём многообразии и частностях блошиный рынок созвучен Фету больше, чем можно себе представить. И понять, и запомнить Фета можно, осознав его через «малеванный хлам, на затхлой площади».

Рынок, словно двойственная фетовская личность, распадается надвое. Практичный, хозяйственный Шеншин – это инструменты, детали, приборы, а безрассудный, поэтический Фет – это фарфоровые балерины, люстры с подвесками и рюмочки-сапожки.

Как всё сочетается в единое – уму непостижимо.

(Как беден наш язык! Не передать того ни другу, ни врагу!)

Фета называют поэтом без явного развития: он ставил в сборники стихи значительного временного разрыва (сороковых годов рядом со стихами восьмидесятых), не датировал их, как правило, а циклы сборников озаглавливал общими тематическими словами, вроде «Снег», «Мелодии», «Гадания», «Море».

Барахолка также смешивает времена и стили, здесь одеяло прилавка сшито из широких лоскутов «Посуда», «Часы», «Игрушки», где каждая нитка лоскута своего роду и племени не знает.

Где что ещё живое, блестит, ходит, вроде «Востока» с календарём 69 года, а где не предмет – пародия (вроде пупса Куклачёва с выпученными глазами), или вовсе – подделка.

Фета тоже много пародировали, как пародируют всё вызывающе новое, то, что дразнит и эпатирует.

Вот пародия Д. Д. Минаева (1863) на стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...»:

*Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутводство и лень.*

Пойман, разве что, основной момент – безглагольность, ритмическое перечисление образов. Вот еще один безглагольный текст Фета:

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна
Свет небес высоких
И блестящий снег
И саней далеких
Одинокий бег.*

И мне снова видится здесь суть блошиного рынка – всё бессвязно, отдельно, а в целом – общее. Вот бобина «Б8-120» с надписью на коробке «Ялта 1980», вот рефлектор Минина, вот фотоувеличитель «Юность» - всё уникальное, разное, но лежит на одном подносе-покрывале и имеет одного хозяина.

Иногда хозяева объединяют своё богатство в малые циклы «Всё по 20 р.», «Всё по 50 р.», но для этих коробок только два глагола – обнять и плакать.

Ходишь между рядами и отмечаешь звукопись товаров: синие керосинки, чёрные чемоданы, кудрявые куклы... Звуковые повторы в текстах Фета встречаются часто, они – основа медитативности его лирики:

*Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.*

Следующая ниточка ассоциаций - лексические повторы, которые привлекают внимание к слову, усиливают, «освещают» его:

*Звонким роем налетели,
Налетели и запели
В светлой вышине.*

«Блоха» на лексические повторы богата. Слово одно, а предметов тьма – ложка, ложка, ложка, ложка, вилка, вилка, вилка, вилка... Чайная, кофейная, серебряная, сервировочная, для рыбы...

Вот стоит три самовара, слева и справа - красавцы, а срединный – гадкий утёнок, то ли хранился под открытым небом, то ли активно эксплуатировался. А сбоку от троицы – керамический чайник «под самовар», гжелевская роспись. Четырежды у прилавка повторишь слово «самовар», с ним и пойдёшь дальше.

Блошиный рынок – чистый импрессионизм. Современники часто говорили об импрессионизме Фета, о том, что он не изображает, не рассказывает прямо, но передает впечатление, старается его навеять. Впечатление в его тексте было важнее самого предмета.

Всё названное в стихе было окрашено чувствами героя, визуальная картинка не складывалась – всё было отрывочно и фрагментарно, так человек переполненный эмоциями не может воспринять и запомнить всё последовательно, его мысль скачет.

Поэзия и ясность для Фета были несовместимы. Облако вокруг стиха – вот что было важнее самого текста.

Так на блошином рынке важнее самого предмета история, спрятанная за ним, – год, семья, завод и страна. Все предметы «блохи» имеют это таинственное облако, именно благодаря ему ступаешь на тропинку между рядами прилавков.

Ступаешь и теряешься в разветвлениях. Сложность рынка подержанных вещей – и есть большое искусство.

Фет был большим поэтом. Но эпоха требовала от него ясности, определенности и, главное, актуальной пользы. Фет был не ясен, не определен и бесполезен, принципиально бесполезен. Разве легко найти на барахолке действительно полезную вещь? Многое интересно, что-то изящно и красиво, но домой почти ничего не понесешь – ничего неприменимо к современной реальности.

«В нашем деле истинная чепуха и есть истинная правда» - сказал однажды Фет и был прав, раз уж в любом городе, в любом месте можно найти отголоски поэзии.

Шепот, робкое дыханье и часы «Янтарь»...